

А. НАЗАРЕТЯН: В многомерном мире раскрывается ограниченность гуманизма

«Когда все признают красоту за красоту, это становятся уродством; когда все признают добро за добро, это оборачивается злом»».

Лао-Цзы (III в. до н. а.)

Хочу сразу же оговориться, что все сказанное ниже нисколько не исключает моего полного сочувствия идеям и деятельности Гуманистического интернационала, признания огромной важности стоящих перед ним задач и готовности внести свой посильный вклад в их осуществление. Но мне представляется необходимым именно теперь предостеречь идеологов гуманизма от характерного соблазна, преследующего и в конечном счете подтачивающего едва ли не любую активную идеологическую доктрину - от соблазна самодостаточности.

На нынешнем семинаре, как и на многих других встречах, звучали недвусмысленные заявления о приоритете гуманистической идеологии, о том, что подлинными (в иной редакции - подлинно общечеловеческими) ценностями являются исключительно ценности гуманистические. Я постараюсь показать, что, твердо встав на такую позицию, мы во-первых, получим однобокую картину прошлого; во-вторых, запутаемся в настоящем; в-третьих, обречем себя и своих потомков на недоумение и растерянность перед будущим.

Начав, естественно, с прошлого, напомним, что гуманистические идеологи с первых же шагов заявили о себе как оппоненты религиозной традиции, а в последующем и как атеисты. Такое отношение к религии с их стороны было вполне логичным. Принижение человека, акцент на его изначальной греховности, аскетические требования ущемления плоти, подчинение авторитету власти, запрет на выражение естественных эмоций, иногда даже на художественное изображение человеческого лица - все это не могло не вызывать протест со стороны гуманистов. Уже в нашем веке выдающийся австрийский врач, психолог, философ Эрих Фромм, внимательно исследовав историю религий, показал (в работе «Психоанализ и религия»), что значительная часть ре-

лигиозных ценностей явно антигуманистична. Уместно вспомнить и о том, что на протяжении тысячелетий не было, наверное, ни одной войны или агрессии, не освященной религиозными мотивами. Однако можно ли на основании сказанного отрицать общечеловеческую культурно-историческую роль религиозных ценностей, как бы ни противоречили они гуманистической идеологии? Можно ли забывать о той грандиозной реально гуманизирующей роли, какую выполняли все формы религии на длительном этапе человеческой истории? Или следует прибегнуть к грубому языковому трюку, объявив «гуманистическим» все, что объективно служит гуманизации, развитию человеческой культуры? Но тогда это понятие лишается своего предмета. Ведь даже и самая людоедская человеческая мысль, будучи фактом культуры и, по выражению М. Бахтина, «репликой в мировом полилоге», наполняла этот полилог, прямо или косвенно служила обогащению исторического опыта и к тому же порой давала целому поколению, подавленному кризисом, чувство социальной востребованности.

Стоит задуматься и о том, насколько безупречен сам гуманизм. Не декартовский ли лозунг «стать хозяевами и властителями природы» стал знаменем экологической агрессии индустриализма, и не исконные ли оппоненты гуманистов - фидеисты и натуралисты - с противоположных флангов идейно противостояли произвольному вторжению в божественную (или естественную) гармонию бытия?..

Я полагаю, что не все общечеловеческие ценности являются по содержанию и происхождению гуманистическими я, больше того, не всем гуманистическим ценностям суждено стать общечеловеческими. Если следовать содержанию термина гуманизм, отражающего более или менее определенный комплекс

идей, и вместе с тем оставаться верным гуманистическому пуризму, то из сферы общечеловеческих ценностей придется исключить и весьма значительные философские учения. По поводу многих из них можно спорить, находя в одной и той же работе как идеи, более или менее созвучные гуманистическим требованиям, так и мысли, совершенно диссоциирующие с последними. Что же касается таких философов, как А. Шопенгауэр, Ф. Ницше или даже Ф. Гегель, то попытки представить их гуманистами, по-моему, так же беспочвенны, как и попытки отрицать их роль в развитии человеческой мысли.

Если же говорить о художественной литературе, то среди великих писателей (именно великих, ибо с посредственными эпигонами все проще и легче) носители такого цельного и безупречно гуманистического мировоззрения, каким обладал, скажем, Лев Толстой, составляют скорее исключение, чем правило.

Опять-таки, чтобы не оставить за порогом признаваемых ценностей большую часть мировой литературы - авторской и народной,- продолжая одновременно настаивать на том, что только гуманистические ценности подлинны и общечеловечны, придется воспользоваться одним из давно апробированных логических ухищрений. Либо объявить все, что противоречит современной версии гуманизма, случайным, наносным, несущественным (как отбирали для школьных программ по литературе имена и произведения согласно критерию «революционности»). Либо довести до абсурда в общем-то справедливое утверждение, что гуманизм меняет содержание в зависимости от эпохи, обретая тем самым беспредельную свободу маневра аналогично тому, как каждое «идеалистическое» научное открытие (от пенициллина до кибернетики) объявлялось «безусловно материалистическим», чуть только выяснялось, что игнорировать его более невозможно...

Кстати, строго гуманистический взгляд требует исключить из числа подлинных (общечеловеческих) ценностей чуть ли не все научные открытия, а с ними и технические достижения Нового времени. Ведь по большей части они построены на принципиально антисубъектной ме-

ханистической парадигме, идущей от Г. Галилея, Ф. Бэкона и объявившей (устаи Б. Спинозы) человека «вещью среди вещей», «духовным автоматом». А ведь это не только физика, биология, социология, но в значительном объеме и медицина, и психология - наука о душе, которая не находила способов изучения человека без того, чтобы концептуально умертвить, деиндивидуализировать «объект» согласно требованиям галилеевского естествознания.

Но может ли энтузиаст нарождающейся ныне антропоцентрической науки перечеркнуть заслуги своих великих предшественников - натуралистов - перед человеческой культурой, забыть, что видит мир в новом свете только потому, что «стоит на плечах гигантов»? Согласится ли уважающий себя психолог, принадлежащий к гуманистическим школам, обесценить результаты своих коллег, работавших в рамках иных школ и направлений?

* * *

Итак, оценка прошлого требует объемного, многомерного видения, которое не может быть обеспечено гуманистической идеологией, равно как и любой иной. Но еще важнее то, что гуманизм сам по себе не всегда способен надежно ориентировать политический выбор в современном мире. Я имею в виду не только решение совсем конкретных проблем типа: следовало ли американцам использовать оружие для освобождения Кувейта; следовало ли прерывать наступление, соблюдая букву мандата ООН, но оставив Хусейну возможность расправиться с повстанцами,- но и стратегические альтернативы. Приведу только один пример.

Что предпочтительнее: тоталитарный или демократический режим? Рабство или свобода? Политическая программа гуманистов отвечает однозначно: демократия, свобода! Но я утверждаю, что такой ответ, в принципе, невозможно обосновать, опираясь на сугубо «человеческие» критерии.

Действительно, о чем идет речь? О гарантии каждой индивидуальной жизни? Но демократия, как бы мы ее ни понимали, едва ли в этом плане более надежна. Безопасность и свобода - пара-

метры не только не взаимозависимые, во подчас и конкурентные, что дало повод Гегелю утверждать: «Самосознание, предпочитающее жизнь свободе, становится в отношении рабства». Конечно, тоталитарный режим в большей степени чреват массовыми убийствами и войнами. Но, скажем, для СССР 60-70-х годов такие бедствия почти не характерны, а улицы «тоталитарной» Москвы (даже если отвлечься от лукавой статистики) были заведомо безопаснее улиц демократического» Нью-Йорка...

Тогда, может быть, речь идет об ином - о душевном благополучии человека? Но здесь ситуация оказывается еще более парадоксальной. Прежде всего люди, простите за банальность, очень различны, исторически конкретны, и никто не докажет, что человек как таковой или хотя бы большинство людей вообще чувствуют себя комфортнее в условиях свободы (или наоборот). Думаю, такая постановка вопроса нелепа и в философском, и в конкретно-научном плане. Но из опыта известно, что в нашей стране встречается немало людей, в первую очередь пожилых, тоскующих по Сталину, мечтающих о твердой руке, а один психолог заметил: нет более храброго существа, чем раб, защищающий свое рабство и своего обожаемого хозяина.

Я легко могу понять людей, сохранивших добрую память о Сталине, и убежден, что дело здесь не только в их ушедшей юности. Дело в том, что тоталитарный режим страшен для личностей творческих, оригинальных, но представляет собой рай для посредственности. Он отбирает, поощряет, формирует посредственность на всех уровнях, а психологические исследования показывают, что инфантильная потребность в опеке, авторитете и диктате так же свойственна взрослым людям, как жажда самостоятельности детям. Удовлетворяя такие потребности, социализм обеспечивал многим душевный комфорт. И если этот режим теперь разрушается, то - прошу обратить особое внимание - не потому, что он антигуманен, но потому, что оказался экономически, политически, а под конец и в военном отношении неэффективен. В прежние десятилетия он процветал в плодил свои копии на планете

благодаря грабительской эксплуатации почти неистощимых природных ресурсов страны, а также потому, что соперничающие с ним демократические режимы сами переживали кризис и в некоторых отношениях уступали ему. Например, при реальном или потенциальном военном противостоянии общество с милитаризованной экономикой и психологией получало определенное преимущество до тех пор, пока не обнаружилось закономерное и безнадежное отставание в военных технологиях, дополнив проигрыш по всем прочим параметрам конкуренции.

Точно так же классические системы рабовладения утверждались постольку, поскольку больше соответствовали требованиям развивавшейся технологии, и разрушались, переставая им соответствовать. И если это, как общая тенденция, сопровождалось известным смягчением социальных отношений - скажем, порабощение поверженных противников стало альтернативой их физическому истреблению, феодальный крестьянин не ведал плети плантационного надсмотрщика и т. д., - то, скорее, гуманизация оказывалась следствием прагматических причин, а не наоборот.

Как видно, идеология прагматизма дает более надежные ориентиры для решений некоторых ключевых вопросов политического, экономического и даже морального выбора. Разумеется, не всех и не всегда. Сами по себе прагматические критерии столь же однобоки и, не будучи дополнены гуманистическими и прочими соображениями, ведут в туник неразрешимых противоречий. Поэтому речь идет не о приоритете прагматизма над гуманизмом, но о том, что самооценна множественность взаимодополняющих идеологических систем. Теоретически это следует и из закона логики, утверждающего, что любая концептуальная система построена на аксиомах, которые в ее рамках доказаны быть не могут (известная теорема К. Геделя о неполноте), и из закона системологии (У. Эшби), согласно которому адаптивный и эволюционный потенциал системы пропорционален накопленному разнообразию. Практически же - из печального опыта последних десятилетий, свидетельствующего, что в современном динамичном

мире более чем когда-либо доминанта какой-то единственной идеологии оборачивается тиранией и стагнацией.

Вот об этом, мне кажется, гуманисты подчас забывают, увлекшись вдохновляющими, очень нужными сегодня лозунгами и претендуя вслед за своими предшественниками на их самодостаточность. Между тем вопреки ожиданиям утопистов, видевших идеальное общество лишенным противоречий, построенным на окончательных и общепризнанных истинах, историческая практика показывает, что реальное смягчение, «деантагонизация» противоречий достигаются их умножением, а не ликвидацией, и рост разнообразия, в том числе концептуального, составляет один из стержневых векторов прогрессивных изменений и природе и в обществе.

О критериях, движущих силах прогресса я сейчас подробнее говорить не могу - это самостоятельный сложный комплекс вопросов¹. Отмечу только, что идеологи гуманизма с самого начала приняли прямолинейно оптимистическую версию, приписав истории «эмоциональную координату» и допустив, что растущее могущество, расширение возможностей, свобод каждого индивида делает людей более счастливыми. К сожалению, такое смещение понятий не имеет реальных оснований. У счастья свои законы. Вместе с тем можно показать, что прогрессивные преобразования - рост потенциала и удельной продуктивности технологий, организационного разнообразия, информационного объема интеллекта, совершенствование моральных норм - всегда служили необходимым средством самосохранения общества при эволюционных кризисах, и в этом плане сегодня опять-таки прагматический подход (выживание цивилизации) не менее, а порой и более надежен, чем чисто гуманистический.

Исходя из сказанного, далее рискну утверждать, что гуманистическая идеология может оказаться дезориентирующей по отношению к будущему, хотя

здесь мы вступаем на зыбкую почву прогнозов.

* * *

По логике гуманизма, высшей и единственно подлинной ценностью должен считаться человек в его телесно-духовном единстве. Бесспорно, однако, что это единство представляет собой очень сложный клубок внутренних противоречий, отражающих общие глубокие противоречия между «духом» и «материей», между «душой» и «телом», культурой и природой (факт, являющийся ядром многих религиозных идеологий). А главное, эта целостная сущность исторически изменчива; развитие культуры, интеллекта, морали, ответственности личности связано с последовательным обузданием и упорядочением агрессивно-эгоистических импульсов, которые унаследованы томинидами от природы (ибо составляют предпосылку спонтанной активности организма) и неоднократно ставили под угрозу существование общества по мере роста его технологического потенциала. Вот этот аспект эволюционного совершенствования вообще трудно схватывается гуманистической идеологией, поскольку она поэтизирует человека «таким, каков он есть». Она постулирует эволюционную завершенность и, соответственно, перспективную беспредельность эмпирического человека; идею же сверхчеловека, постчеловеческой реальности (ницшеанское: «В человеке прекрасно то, что он - не цель, а переход и падение») отвергает как мизантропическую дьявольщину.

Между тем цивилизация вступила в очередную полосу острейших глобальных кризисов, преодоление которых потребует от человечества беспрецедентных преобразований в очень сжатые исторические сроки. Например, успехи экономики, технологии, культуры, науки, практической медицины почти блокировали механизм естественного отбора, и вместе с целым рядом прочих факторов это обернулось экспоненциальным накоплением генетического груза, грозящим массовой дегенерацией. Надо ли объяснять, почему попятный путь - «натурализация» культуры, предполагающая намеренное снижение гигиенических стандартов, упразднение медици-

¹ Им посвящена книга А. Назаретяна «Интеллект во Вселенной: истоки, становление, перспективы (Очерки междисциплинарной теории прогресса)». М., 1991.- Прим ред.

ны. соответствующий рост детской и женской смертности и т. д., - неприемлем. Но альтернативой выживания может стать только нарастающее вмешательство технологического интеллекта в интимное естество жизни, что связано с развитием генной инженерии, трансплантацией, заменой естественных органов искусственными и т. д. Телесное формирование человека будет все более целенаправленным, технологически опосредованным. Разумеется, это сопряжено с массой дополнительных трудностей, избежать которых люди смогут только в том случае, если своевременно приведут нравственные основы деятельности в соответствие с возросшими инструментальными возможностями (что и прежде составляло необходимое условие преодоления эволюционных кризисов).

Между тем необходимость искусственного конструирования диктуется и уже указанными причинами, и стратегической перспективой выхода в космос, и, наконец, тем, что продолжительность существования любого зоологического вида ограничена естественными законами, будучи обратно пропорциональна сложности организма (даже по самым оптимистическим расчетам неантропы успели пройти более половины отпущенного им биологией срока, а по некоторым другим расчетам их жизнеспособность ограничена лишь двадцатью ближайшими поколениями). И кто возьмется предсказать, до какой поры разумный субъект, целенаправленно формирующий собственное тело, сохранит совокупность свойств, составляющих человеческое качество?

Но боюсь, что это еще не самое трудное испытание для гуманистической идеологии. Простые расчеты показывают, что преодоление глобального экологического кризиса также недостижимо на пятом пути: при теперешнем населении Земли и удовлетворении даже минимальных потребностей человека современной цивилизации возврат к доиндустриальным, тем более первобытным методам хозяйствования значительно быстрее привел бы к исчерпанию природных ресурсов. Спасение опять-таки приходится искать только впереди - через кардинальный рост удельной эффективности производственных технологий

(объема полезного производства на единицу затрат, т. е. разрушений), что, в свою очередь, немислимо без их ускоренной информатизации.

Кроме того, в чрезвычайно усложнившемся, динамичном и технологически могущественном мире резко увеличивается значимость каждого экономического или политического решения, что делает настоятельно необходимым предварительный «просчет» последствий на имитационных моделях. (Уже в 80-е годы такой подход помог обезопасить отношения между сверхдержавами.) В силу этих и других причин подобного же рода ожидается, что роль автоматизированных систем хранения и переработки информации будет стремительно расти и под их контролем окажутся все более обширные сферы жизнедеятельности общества. Данный процесс необратим - это не прихоть технократов, а одно из императивных условий выживания цивилизации.

Но, как учит английская пословица, «бесплатный сыр бывает только в мышеловке». Компьютерная революция существенно повышает шансы человечества на выход из кризисов, однако и платить за это придется недешево. Уже многие программисты вынуждены признать, что надежды на бесконечное повышение продуктивности информационных систем за счет разработки все более мощных алгоритмов иллюзорны: чтобы искусственный интеллект отвечал возрастающим требованиям, необходимо совершенствовать методы представления знаний, механизмы автономного целенаправленного решения. Помогая решить многие современные проблемы, это неизбежно поставит перед обществом новые, еще более сложные проблемы.

Еще на заре кибернетики крупнейший американский математик Дж. фон Нейман теоретически доказал, что количественное наращивание емкости и быстродействия ЭВМ должно привести к качественному эффекту, сделав результаты их работы принципиально непредсказуемыми, неподконтрольными человеку. А в середине 80-х годов немецкий ученый В. Циммерли, обобщая опыт развития компьютерной технологии, обратил внимание на то, что подобная тенденция приняла уже вполне реальные очертания

ния: контроль за функционированием компьютерных сетей может быть обеспечен лишь посредством еще более сложных систем, и, таким образом, искусственный интеллект неуклонно обособляется от естественного интеллекта², а возможность внешнего контроля становится все более сомнительной. Сказанное означает, что искусственный продукт человеческого ума неизбежно начнет (или уже незаметно начинает) приобретать собственное субъектное качество!

В целом вырисовывается следующая картина. Ближайшие десятилетия могут стать апофеозом гуманизма как антипода технократическому, натуралистическому, религиозному, этноцентрическому мировоззрениям. Это связано со спецификой эволюционной ситуации, стержнем которой выступают до предела обострившиеся проблемы человека: взаимоотношения человека и природы, человека и человека, личности и общества и т. д. Если они не будут решены по существу, то XXI в. просто не состоится, ибо ничто не гарантирует нашу цивилизацию от перспективы закончить очередной эволюционный кризис глобальным катаклизмом, оставив за собой безжизненную или, во всяком случае, «безразумную» планету.

При благоприятном же развитии событий по мере решения проблем человека на передний план выдвинется как минимум одна новая глобальная проблема - отношение между искусственным в естественным разумом. Исходя из динамики процессов в современном обществе, логично допустить, что это произойдет уже к середине или к концу XXI в., т. е. с указанной проблемой столкнутся если не наши дети, то наши внуки и правнуки. Было бы великой бедой, если вместо ориентации на продуктивные

² Я не беру эти выражения в кавычки, хотя оба они в равной мере произвольны. Психический процесс у современного человека в каждом своем проявлении опосредован огромным опытом культуры и сходен с действительно естественным интеллектом обезьяны или дельфина разве только тем, что построен на аналогичном белково-углеводном субстрате; в содержания же своем и даже во многих функциональных механизмах это давно уже интеллект искусственный.

формы человеко-машинного симбиоза с постепенным преобразованием природы интеллекта у них возобладают настроенная ностальгии и луддизма.

К столь непривычным условиям придется адаптироваться и идеологии гуманизма! Ставя во главу угла самоценность человека в его качественной определенности, она вынуждена будет реагировать на такие драматические обстоятельства:

- вечность человеческого бытия и выживание цивилизации - вещи, отнюдь не тождественные;

- ограниченные потребности и возможности биологического организма, долгое время служившие мощным стимулом становления человека и цивилизации, вступают в противоречие с безграничным потенциалом интеллектуального развития, и это усиливающееся противоречие рано или поздно доведет последовательное вмешательство интеллекта в стихию естественных процессов до логического завершения - сбрасывания сковывающей интеллект биологической оболочки;

- собственно человеческая история

близится к концу, и реальная дилемма состоит в том, подвергнется ли она «диалектическому» или «недиалектическому» отрицанию, т. е. перерастет в более высокую стадию универсального развития или обернется катастрофическим самозамыканием эволюционного процесса;

- наконец, человеку довольно скоро предстоит либо разрушить себя вместе с плодами своей многотысячелетней эволюции, либо примириться с потерей роли единственного и даже определяющего субъекта истории.

Если гуманисты окажутся не готовы к этим «вызовам времени», то их благородную идеологическую доктрину ждет печальная участь. Она станет знаменем антитехнологизма, на котором будут начертаны отказ от прогресса, возврат к природе, подавление растущих потребностей, формируемых новейшей культурой. Тем самым гуманизм войдет в прямой конфликт с идеями своих родоначальников, превратится в реакционную идеологию, в опасный фактор конфронтации.

Как мне представляется, чтобы и в будущем сохранить свое позитивное значение, гуманистическая идеология долж-

на, решительно отказавшись от претензий на самодостаточность, быть, по крайней мере, готовой к терпимому обсуждению следующих, в общем довольно неприятных для нас (но подсказанных прагматическим подходом) тезисов: -

- человек — не венец творения, величие и перспектива бессмертия человека в том, что его разум способен создать нечто более совершенное, чем он сам;

- не все в действительном человеке равноценно, и ради продолжения эволюции целесообразно пожертвовать его двойкой биоинтеллектуальной сущностью:

— есть ценности более высокие, чем человек в его качественной определенно-

сти,- цивилизация, интеллект; в их развитии человеческая история составляет только одну из конечных стадий;

- в эпоху перехода от человеческой к постчеловеческой стадии задача гуманизма в том, чтобы способствовать по возможности безболезненному вращению человека в новую реальность, уберечь его от разочарования, фрустрации и вытекающих из них деструктивных настроений, а также обеспечить максимальное усвоение будущей «сверхчеловеческой цивилизацией» лучших качеств ее источника и творца.

© А. Назаретян, 1991